

УДК Г.А. Камлевич, кандидат филологических наук,

доцент кафедры общего и русского языкознания БГПУ

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Е. ЗАМЯТИНА

Для идиостиля Е. Замятина характерно нарушение синтаксической цельности и связей в предложении, а также сильная интонированность повествования, что позволяет автору решать определенные художественные задачи. А.И. Солженицын отметил по поводу одного из рассказов писателя, что «через обрывистость речи ... глубоки и выпуклы чувства...» [1, с. 195]. Обнаженность чувств в прозе Е. Замятина образуется за счет использования усеченных и неполных предложений, введения большого количества парцеллированных и сегментированных конструкций. В статье «Новая русская проза» Е. Замятин писал о языке Пильняка: «...зыбучие пески периодов. Читать их вслух – мог бы только воздушный насос: никакого человеческого дыхания не хватит» [2, с. 522]. Расчлененные конструкции, по мнению писателя, облегчают воспроизведение и восприятие написанного текста, а также смещают логические акценты, выделяя главное.

Парцелляция – это «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами» [3, с. 369], намеренное интонационное расчленение предложения, деление его на базовую структуру и парцеллят, что приводит к актуализации значения отделяемого компонента. Парцелляция – «явление динамического аспекта предложения», «стилистический прием, состоящий в вычленении части высказывания, построенного по формуле предложения, в самостоятельное высказывание» [4, с. 141]. Функционирование «разорванных» построений повышает экспрессивность и эмоциональность информации, об этом

говорят исследования М.А. Авласевич, Г.Н. Акимовой, Ю.В. Ванникова, Е.А. Иванчиковой, Ю.С. Комовой, Т.Р. Коноваловой, Б.Ю. Нормана, А.С. Попова, А.П. Сквородникова, Н.Ю. Шведовой и др.

В письменной речи парцелляция – специальный прием коммуникативно-стилистической организации текста, обеспечивающий его максимальную экспрессивность. В художественных произведениях конца XIX – начала XX века парцеллированные конструкции были распространены более других экспрессивных синтаксисом и представляли «рубленную» прозу – «прозу с нарушением синтаксической цельности и связей в предложении, сильно интонированную и как бы «разбитую» на куски, если сравнивать ее с классической, синтагматической прозой» [5, с. 90]. Данная тенденция проявляется и в творчестве Е. Замятина.

Парцеллированию могут подвергаться различные синтаксические единицы, но чаще всего – однородные члены предложения. Речевой разрыв сказуемых, наиболее часто вступающих в ряд однородных членов, – распространенное явление в прозе Е. Замятина. Встречается парцеллирование лексически разных предикатов, соединенных сочинительными союзами или бессоюзной связью: *Я рассказал ей все. И только – не знаю почему... нет, неправда, знаю – только об одном промолчал – о том, что он говорил в самом конце, о том, что я им был нужен только...* [6, с. 341]; *В темной прихожей садился Костя на стул. Шепотком повторял про себя урок* [6, с. 85]. Между однородными парцеллированными сказуемыми могут быть различные логические связи, в частности противительные отношения (*рассказал – промолчал*) и временные, отражающие последовательность событий (*садился – повторял*). Нередко представлена логическая связь действие – результат: *Оживился, подтянул штаны, поправил воротничок. Почувствовал себя приветливым начальством* [6, с. 56]; *Я раскрыл свою рукопись, чтобы занести на эти страницы несколько, как мне кажется, полезных (для вас,*

читатели) мыслей о великом Дне Единогласия – этот день уже близок. И увидел: не могу сейчас писать [6, с. 278].

В ряду однородных парцелированных сказуемых возможны глаголы, противоположные по видовой соотнесенности. Так, в примере *Уже одетая – в пальто и шляпе – Диди через проход пробиралась к ним. Села рядом с О'Келли и, смешливо захлебываясь, что-то ему рассказала на ухо* [6, с. 123] глагол несовершенного вида *пробиралась* имеет в парцелированной части однородные лексемы совершенного вида: *села, рассказала*. Несовершенный вид первого глагола подчеркивает длительность происходящего действия, что наблюдается и в следующем примере, содержащем видовое рассогласование однородных сказуемых: *Родоначалница этого внеклассового учения, до сих пор только чуть-чуть показанная между строк, однажды ранним утром спускалась к реке – искупаться. Разделась, повесила на лозинку платье, с камушка опустила в воду пальцы правой ноги – плеснула раз, другой* [6, с. 433].

В прозе Е. Замятина парцелированию подвергаются лексически повторяющиеся однородные сказуемые, что позволяет обратить особое внимание на дублированное действие: *Оглядел монашек все двери, все запоры ржавые проверил и присел на минуточку отдохнуть. Присел – и потух ветхий, заснул* [6, с. 54]; *Барыба шел дальше: надо сегодня явиться к исправнику. Шел и сиял, сытый собою, майским солнцем, погонами* [6, с. 78]. В некоторых случаях при парцелировании повторяющихся предикатов происходит смешение логических планов:

- *Опять ни бельмеса? А-а-ах, а ведь малый-то ты на возрасте, замуж пора. Садись, брат.*

Садился Барыба. И сидел основательно – года по два в классе [6, с. 30].

В данном примере глагол *садился* указывает на момент речи, актуализирует сам процесс. В парцелированной структуре глагол *сидел* обозначает действие, протяженное во времени.

В творчестве Е. Замятина представлены конструкции, в которых в качестве парцеллята выступают второстепенные члены предложения, а также различные по значению придаточные части сложноподчиненного предложения. При этом наблюдается парцеллирование однородных и неоднородных элементов. Если отделяется дополнение, то внимание читателя привлекается к объекту действия: *А потом уж пошел и про попа, этого самого, что исповедников посылал догрешить: назначил он епитимью по пятнадцать поклонов за два раза – ну, и никак было не сосчитать, все выходило с дробью. И про монашку, которую догнали в лесу бродяги, целых пятеро, а она потом сказывала: «Хорошо-де, и вдосталь, и без греха» [6, с. 57].*

Парцеллирование обстоятельств и обстоятельственных придаточных частей позволяет актуализировать характеристику действия, признака или ситуации, акцентировать внимание на месте, времени, причине действия, мере и степени его проявления и т.д.: *- По мне, ребятки, в Стрельцы бы, этта, теперь махнуть. На радостях встречных [6, с. 52]; Тут странно – в голове у меня как пустая, белая страница: как я туда шел, как ждал (знаю, что ждал) – ничего не помню, ни одного звука, ни одного лица, ни одного жеста. Как будто были перерезаны все провода между мною и миром [6, с. 333].*

Среди обстоятельственных придаточных частей в прозе Е. Замятина чаще всего интонационному отделению подвергается придаточная часть со значением причины: *Все разом обернулись и смолкли, как будто случилось неловкое и неприятное, хотя ничего такого и не было. Потому что, если говорить о вечернем платье леди Кембл, то что же: платье было – как платье, серого шелка, разве только чуть старомодное [6, с. 118]; Приехал тут из губернии начальник и строго-настрога приказал: через год – была чтоб тыща младенцев, и больше никаких. Потому – война [6, с. 80].*

Имя его мы узнаем уже скоро, и я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что тогда...

Ибо наши руки уже подобны потерявшим крепость рукам стариков, и нашу судьбу держат в своих руках другие народы [6, с. 558].

Находим интонационное выделение определений (одиночных и составляющих ряд однородных членов), что актуализирует субъектно-оценочные коннотации в названии качеств или свойств объектов повествования: А уж особо Урванка: кучерявый, силища, черт, и черный весь – цыган он был, что ли. Закопченный какой-то, приземистый, жилистый, весь как узел из хорошей веревки [6, с. 34]; Десять: дали свет. Голый, жесткий, простой, холодный – как пещерная жизнь и смерть – электрический свет [6, с. 367]; Да, тут уж не то, что на балкашинском дворе жизнь. На всем готовеньком, в спокойе, на мягких перинах, в жарко натопленных старновкою комнатах [6, с. 37]. Парцеллированию подвергаются определения, выраженные именем прилагательным, причастным оборотом, предложно-падежными формами имени существительного (в том числе и с зависимыми словами), лексемами, входящими в состав сравнительного оборота. В качестве парцеллята могут выступать также определительные придаточные части: Рай был огромный сад. В котором водились месопотамы. И другие животные [6, с. 31] (в этом примере представлена также парцелляция однородного подлежащего); Все женщины – губы, одни губы. Чьи-то розовые, упруго-круглые: кольцо, нежная ограда от всего мира [6, с. 247].

В прозе Е. Замятина парцеллируются структуры с уточнительно-выделительными обособленными членами предложения: - Она? Там. В радиотелефонной... [6, с. 325]. Встречаем отделение элементов с объяснительно-присоединительными отношениями: Просмотрел все написанное вчера – и вижу: я писал недостаточно ясно. То есть все это совершенно ясно для любого из нас [6, с. 209]; Уж коли милость твоя такая, так нельзя ли, отец, Костюньку мово в люди бы вывести? В чиновники, то есть [6, с. 83]. Между базовой структурой и парцеллятом представлены также разделительные отношения, имеющие значение

исключения или выбора одного явления из ряда других: *Но теперь – можете вы себе вообразить, что у вас хвост? Или: можете вы себя вообразить на улице голым, без «пиджака» (возможно, что вы еще разгуливаете в «пиджаках»)* [6, с. 210]. Находим парцелляцию обособленных членов предложения с предлогом *кроме*, которая усиливает характерное для данных структур значение выделения объекта из ряда подобных: *Этому Зайцеру даже хотелось, чтобы случилось что-нибудь страшное, он ничего не боялся. Кроме только одного: предстоящего сейчас объяснения с Верочкой* [6, с. 483].

Нередко парцелляция осложняется развертыванием, распространением членов предложения, которые дублируются в отчлененной части: *И вот, медленно – солнце. Не наше, не это голубовато-хрустальное и равномерное сквозь стеклянные кирпичи – нет: дикое, несущееся, опаляющее солнце – долой все с себя – все в мелкие ключья* [6, с. 214]; *Дорда вскакивает – он этого ждал, может быть, даже хотел. Всккивает, весь заряженный, револьверный, пули из глаз – в одного, в другого, в каждого из тысячных* [6, с. 405]; *Режиссер говорил, что он играет превосходно, а он совсем не играл: он просто стал прежним самим собой. Стал настолько, до таких мелочей, что вот сейчас, закулив папиросу, помахал спичкой совершенно прежним ленивым жестом – и, как бывало тогда, бросил спичку еще горячей* [6, с. 496].

В прозе Е. Замятина находим единичные случаи парцелляции звена подлежащее – сказуемое: *Иваниха – старуха высоченная, дылда, костистая, бровястая, брови как у сына. Не очень ласково встретила монахов* [6, с. 59].

Парцеллированные конструкции позволяют автору выделить определенные моменты жизни героев, обратить особое внимание читателей на место, время, значимость происходящих событий. Парцелляты выступают своеобразными актуализаторами главной с точки

зрения автора информации, помогают передать психологическое состояние героев и особенности восприятия ими внешнего мира.

В прозе Е. Замятина широко распространено членение структуры предложения с целью художественно-образной конкретизации изображаемого, когда парцелированные конструкции выполняют изобразительную функцию. При этом описываемое представляется как замедленный кадр, с детальным описанием: *Я протянул бумажку дежурному. Чувствовал, как загорелись щеки; не глядя видел: дежурный удивленно смотрит на меня* [6, с. 250] (наблюдается видовое рассогласование сказуемых); *Там был – совершенный бред. Блеск граненых хрустальных солнц. Плотно утрамбованная головами платформа. Пустой, застывший поезд* [6, с. 330]; *И еще мир. Земля – с сиренью, океанами, Rhopalocera, облаками, выстрелами, неподвижно мчащаяся в синь земля...* [6, с. 390]. Подобная интонационная расчлененность создает основу замятинской изобразительности, картинности творчества, помогая представить в воображении описываемые образы: *И рядом с ним какой-то еще человек. Маленький, востроносый, сидит – и не на стуле будто сидит, а так на жердочке прыгает, вроде – воробей* [6, с. 40].

В прозе Е. Замятина распространено употребление парцелированных конструкций в эмоционально-выделительной функции, когда усиливаются эмоции, эмоциональные оценки: *И я надеюсь – мы победим. Больше: я уверен – мы победим. Потому что разум должен победить* [6, с. 346]. Паузы, которые разделяют предикативное ядро высказывания, создают напряжение, отрывистый ритм, акцентируют внимание на внутреннем состоянии героев:

И, с наслаждением, втыкая в нее по одному слову, сказал:

- Ответ? Что ж... Вы правы. Безусловно. Во всем [6, с. 272].

Частотно эмоциональное выделение характера действия или состояния, передача экспрессии возбужденности: *Вскочил, заорал Урванка. Мигом перемахнулся через забор* [6, с. 35] – таково поведение героя в тот

момент, когда он увидел, что воруют его любимых цыплят; *Непристойный, шатущий, бредет в эту пору Барыба. Как будто и сам не знает – куда* [6, с. 50] – подчеркивается обреченность персонажа, его ненужность, неустроенность в жизни; *Нигде! Выхода не найти* [6, с. 277] – здесь усиливается безысходность героя, невозможность решить свои жизненные проблемы.

Интонационная расчлененность высказывания позволяет автору усилить иронический подтекст повествования: *Как известно, человек культурный должен, по возможности, не иметь лица. То есть не то чтобы совсем не иметь, а так: будто лицо, а будто и не лицо – чтобы не бросалось в глаза, как не бросается в глаза платье, сшитое у хорошего портного* [6, с. 127].

Парцеллированные конструкции в художественной речи создают впечатление непосредственного формирования мысли и ее постоянного развертывания. Возникает ощущение неторопливого дополнения высказывания значительными уточнениями: *Очень даже просто: надо Глафирочку на службу определить. С ритуальной, так сказать, целью* [6, с. 81].

И томила его невидными и непонятными в темноте, злыми ласками и сама всхлипывала: замочила слезами все лицо у Барыбы.

До утра [6, с. 48] – в данном примере длительность происходящего действия усиливается абзацированием.

Парцеллированные конструкции выполняют в прозе Е. Замятина и экспрессивно-грамматическую (синтаксическую) функцию, при которой парцелляты служат для выражения и модификации синтаксических отношений [4, с. 169]. Чаще всего расчлененность придает добавочный уточнительный или пояснительный характер: *По возможности, леди Кембл старалась восстановить тот распорядок, который был при покойном сэре Гарольде. С утра затягивалась в корсет, к обеду выходила в вечернем платье* [6, с. 128]. С помощью парцелляции ослабляются или

даже снимаются грамматические отношения однородности: *Мартин Мартиныч медленно вытаскивал из письменного стола связки писем, термометр, сургуч, коробочку с чаем, снова – письма. И наконец, откуда-то, с самого со дна, темно-синий флакончик* [б, с. 366-367] (посредством расчлененности подчеркивается, что герой искал именно флакончик, в котором, как выясняется из контекста, был яд); *Бессмертный деревянный конек, шарманщик, льдина. И этот голос...* [б, с. 367] (появляется противопоставление). В подобных случаях расчлененность выделяет заключительный член предложения в ряду однородных, указывает на его значимость, в некоторой степени придает итогово-обобщающую функцию: *Лекция. Очень странно, что из сверкающего аппарата – не металлический, как обычно, а какой-то мягкий, мохнатый, моховой голос. Женский – мне мелькает она такую, какую когда-то жила маленькая – крючочек-старушка, вроде той – у Древнего Дома* [б, с. 270].

Посредством парцелированных конструкций актуализируются причинно-следственные отношения (между однородными сказуемыми): *Леди Кембл больше не могла – не могла. Разгневанно встала, пошла к двери и позвала с собой кипенно-белую кошку Милли* [б, с. 129]; усиливается эффект неожиданности, обманутого ожидания (что дополнительно подчеркивается абзацированием):

Дорда ждет минуту, еще минуту.

И ничего [б, с. 412].

Изучение функционирования парцелированных конструкций в прозаических произведениях Е. Замятина позволяет сделать вывод, что синтаксис писателя соответствует языковым тенденциям начала XX века и основным принципам литературы модернизма. Синтаксическая трансформация, актуализирующая не только смысловые нюансы, но и авторскую интонацию, имеет в прозе Е. Замятина свою специфику, являясь важным стилистическим средством замятинского идиостиля. Парцелированные однородные и неоднородные сказуемые,

второстепенные члены предложения, придаточные части выполняют образительную, эмоционально-выделительную, экспрессивно-грамматическую функции, позволяют передать разговорность, эффект непосредственного формирования мысли, придать ироничный оттенок высказыванию. Парцелляция подчеркивает тональность, особую атмосферу прозаических произведений Е. Замятина, которая воздействует на читателя своей открытостью, непосредственной выразительностью и глубокой палитрой чувств, заставляя задуматься над прочитанным.

Литература

1. Солженицын, А.И. Из Евгения Замятина: Литературная коллекция / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1997. - № 10. – С. 186-201.
2. Замятин, Е.И. Мы : Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания / Е.И. Замятин ; сост. Е.Б. Скороспелова. – Кишинев : Лит. артистикэ, 1989. – 640 с.
3. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.
4. Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка : Опыт системного исследования / А.П. Сковородников. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – 255 с.
5. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие / Г.Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.
6. Замятин, Е.И. Мы : Романы, повести, рассказы, сказки / Е.И. Замятин ; сост., авт. вступ. статьи И.О. Шайтанов. – М. : Современник, 1989. – 560 с.